

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК
παλιπομένων

Наталья
Кугушева

Проржавленные дни

СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ

Наталья Петровна Кугушева
А. Л. Соболев
Проржавленные дни.
Собрание стихотворений
Серия «Серебряный
век. Паралипоменон»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4964745
Проржавленные дни: Водолей; Москва; 2011
ISBN 978-5-91763-052-6

Аннотация

В последний раз Наталья Петровна Кугушева (1899–1964) увидела свое стихотворение напечатанным, когда ей было тридцать лет. Вторая половина ее жизни вместила многое: пятнадцатилетнюю добровольную ссылку в Казахстане, куда она последовала за репрессированным мужем, одиночество, почти полную нищету, забвение. Но все эти годы она продолжала писать стихи, чудом дошедшие до наших дней. Большая часть их впервые печатается в настоящем издании.

Содержание

Стихотворения 1919–1941 годов	7
Безумный вальс	8
Письмо	9
«В лохмотья слов, как в гамлетовский плащ...»	10
«Ты хочешь быть чужим – пожалуйста...»	11
«Двадцать первого лета, золотого как персик...»	12
«Храню любовь, как некий чудный дар...»	13
«Тополями пропахли шальные недели...»	14
«О, трудный путь заржавленных разлук...»	15
Из цикла «Проржавленные дни»	16
«Резцом по бронзе говорить о жизни...»	17
«Жестокий подвиг лихолетий...»	18
«Нелепых дней случайный ход...»	19
«Не тебе мой путь отметить...»	20
Пролог к поэме «Сегодня»	21
«Милый, милый, осень трубит...»	22
Песенка	23
«На влажный берег выйти...»	25
«Над звоном нив моя ль тоска тоскует...»	26
«Мой голос скрипкой векам проплачет...»	27
«Остались только имена...»	28

«Не по хребтам сожженной Иудеи...»	29
«Не ляжет снег на длинные недели...»	30
«Опять любви сухие весны...»	31
«Жизнь ставлю томиком на полку...»	32
«Вы тихий, как бывают тихими зори...»	33
«Прощай, подруга. Вечер сух и ясен...»	35
«Седой Бузулук и пыль...»	36
«Проползают одинаковые вечера...»	37
«Я о тебе пишу. И знаю, эти строки...»	38
«Вкус моих губ ты забыл, забыл...»	40
«Подруга, дружбы ласковые узы...»	41
«Пути истории торжественны и грозны...»	43
О чуде	45
«Кровь, случай, ночь – вот спутники твои...»	46
«Ничего, мой друг, не тоскуйте...»	47
Песня	48
«Рев города, не рев ли океана...»	49
Лавка древностей	50
Памяти Маяковского	52
Комната	53
«Ты ушла, любимая сестра...»	55
Стихи 35 года	56
Бессонница 1ая	57
«Опять привычный алкоголь...»	59
«Их было двое. Горькою отравой...»	60
«Умеет сердце быть расчетливым и злым...»	62

Алушта	63
Казахстанский дневник	64
«Сегодня закат, как зарево...»	64
«После ссоры – сладко примиренье...»	65
Путешествие в Осокаровку	66
Конец ознакомительного фрагмента.	67

**Кугушева Наталия
Петровна
Проржавленные дни**

*Издательство выражает искреннюю
благодарность Российскому государственному
архиву литературы и искусства за всестороннюю
помощь в подготовке книги*

Стихотворения 1919–1941 годов

Безумный вальс

Кому предугадать развитие партитуры
Под дирижерской палочкой безумного маэстро?
Несется мир. Всё бешенее туры
И па сбиваются, оглушены оркестром.

И только ключья вальсов нестерпимых,
Дрожа, взвивают<ся?> испепеленной лентой,
А мир несется. Рвутся звезды мимо,
Неистовый летит под вскрики инструментов.

Кому предугадать развитие партитуры,
И кто переложил безумный вальс на ноты?
Несется мир. Неистовее туры,
Но всех неистовой железные фаготы.

Письмо

Я ушла. Совсем. Так надо.
В Вашу комнатку я больше не вернусь,
Но любви отравленную радость
Пронесет, как шлейф, за мною грусть.

Будет пусто в Вашем старом доме.
Будет скорбь. А на пьянино Григ.
Точно в Вашей жизни кто-то переломит
Номер лотереи-аллегри.

И любя других любовниц
Под альковом бархатных ночей,
Тихо скажете – спокойно и сурово:
– Ты ушла... Зачем?

Я ушла. Совсем. Так надо.
Старый Григ напомнит мне о Вас,
Дней моих безрадостную радость
В тонкий стих перекуют слова.

«В лохмотья слов, как в гамлетовский плащ...»

В лохмотья слов, как в гамлетовский плащ,
Забиться и уйти. Но от себя уйдешь ли?
Роняет осень медный трубный плач
В пустых полях безрадостные кошны.

И тянутся гудящие часы
Под стрелами тяжелых листопадов.
Ложатся настилом холодным и густым,
Но их покою сердце радо ли?

Сгибаюсь тяжестью невысказанных слов,
И дни прозрачные не сберегут покоя.
Обрызжет ветер золотым веслом
Моих ли дней звенящие оковы...

<1920>

«Ты хочешь быть чужим – пожалуйста...»

А.М.

Ты хочешь быть чужим – пожалуйста,
Я не заплачу, не разлюблю —
Пусть ветер за меня пожалуется,
Пусть слезы облака прольют.

Вся жизнь твоя проходит издали,
А мне покорность и стихи —
Так русских женщин манят издавна
Любовь и схи́ма.

<1920 или 1921>

«Двадцать первого лета, золотого как персик...»

Двадцать первого лета, золотого как персик,
Я губами касаюсь, и сок на губах.
Барбарисовым полднем под солнечным тирсом
Зацветающая судьба.

По утрам загорелые полынные росы,
Берегу на ресницах остуженный пыл,
Торопливых часов слишком раннюю проседь
Под цветочную пыль.

И густое вино полновесного часа
Проливает июля раскрывшийся мех,
И фиалками пахнет родной и печальный
Розовеющий хмель...

<1921?>

«Храню любовь, как некий чудный дар...»

Храню любовь, как некий чудный дар,
В ночных полях росой пути прохладны,
И на щеках моих гранатовый загар,
И вьется Млечный путь, как нитка Ариадны.

Мне влага трав – прохладное вино.
Бродить и петь в крови ночной тревоге.
Припасть к земле. И слушать. А за мной
Следит, как за добычей, козлоногий.

Качаются сады, цветут поля,
Распущенные косы пахнут медом.
Бежать. Влюбленная зовущая земля,
Тебе несу любовь мою и годы.

Я тоже зверь наивный и простой,
У заводей в зеленые прохлады
Я окунаю тело, под листвой
Творю любви священные обряды.

«Тополями пропахли шальные недели...»

Тополями пропахли шальные недели,
Каждый день как осколок расколотых лет.
Это юность моя по старинным постелям
Отмечает взволнованно стершийся след.

Не по четкам веду счет потерь и находок,
Не по книгам считаю количество строк. —
По сгоревшей судьбе только скрипы повозок,
Да стихов зацветающий дрок.

1921

«О, трудный путь заржавленных разлук...»

О, трудный путь заржавленных разлук,
Вино, отравленное вкусом меди!
Сожженных губ – похожих на золу —
Не зачерпнет надежд веселых бредень.

Колесами раздавливает час,
На пытке медленной распластывает тело,
И снова ночь тугая, как печаль,
И снова день пустой, бескровный, белый.

Лишь ожиданье шпалами легло,
Под паровозным растянувшись стуком.
Осколки слов разбившихся стеклом
Царапают целованные руки.

<1921. Москва>

Из цикла «Проржавленные дни»

Скрипят проржавленные дни
И гнутся.
Сожженных революций
Новорожденный день возник.

Найдет ли новый Оссиан
Такое слово,
Что красноглавою Москвою
Заполыхается Россия,

И там, где глыбами Тибет,
К Далаю Ламе
Плеснет республикою знамя —
Коммунистический разбег!

1921

«Резцом по бронзе говорить о жизни...»

Резцом по бронзе говорить о жизни,
Тяжелым словом прибавать века,
Чтобы судьбу не люди сторожили,
А звезды отраженные в строках.
Возлюбленного божеское имя
Как жертву заколоть на жертвеннике дней,
И старые Иерусалимы
Спалить в зажженном купиной огне.
Тома тяжелые отеческих историй
Зарыть под камни улиц городских,

Небесным рупором века повторят
Не пыльные дела, а в бронзу влитый стих.
На вехах наших душ прибьют свой стяг потомки,
Не пилигримский крест, а душу понесут,
И библий догоревшие обломки
Не вызовут людей на страшный божий суд.
Воздвигнут памятник над мертвыми Христами,
И сердце расклюет зерно опавших звезд,
В крови и гомоне людских ристалищ
Вытачивает мысль тугое острие.

«Жестокий подвиг лихолетий...»

Жестокий подвиг лихолетий —
Неугасимая Москва.
Плеснет ли европейский ветер
Кремлевским стенам и церквам,
На колокольни расписные,
На золотые купола?
Но Византийская Россия
Под тяжким золотом палат,
Под азиатскими страстями,
Под бармами царя
Таится в Половецком стане
Да ждет, вернется ли Варяг,
Да плачет бедной Ярославной,
Рукав в Каяле замочив, —
Баяны гусями прославят
И черный ворон прокричит.
Поганых полчищей татарских
Под Керженцем мы помним сечь
И думы важной и боярской
Славянскую мы слышим речь.
Пусть двадцать первое столетье
По Брюсову календарю, —
Не светит европейский ветер
С небес древлянскую зарю.

«Нелепых дней случайный ход...»

Нелепых дней случайный ход
И нужных слов неповторимость.
Мне каждый день в окно восход
Бросает новую немилость.

Я каждый день тебе молюсь:
Вся жизнь моя – твоя ошибка,
Меня вскормили ты да Русь,
Да ветер северный и зыбкий.

И зреют, зреют семена
В душе, нелепостью смущенной.
Но свято ваши имена
Я чту, как клад запечатленный.

Когда же дней случайный ход
Порвется, как и всё, случайно,
В последний мой земной заход
Откройте мне земную тайну.

«Не тебе мой путь отметить...»

Не тебе мой путь отметить
Тонкой меткой остря,
Берегу в душе запреты
И тоски сладчайший яд.

Я давно не знаю боли,
Отреченья полюбив,
И теперь кому приколят
Сердца выцветший рубин.

Зерна скорби точно четки
В мерных пальцах прошуршат,
Миг влюбленный и короткий
Вскроет строгая душа.

Так придвинь же губы ближе, —
Губы нежные целуй,
Пальцы мерные нанижут
Зерна скорби на иглу.

Пролог к поэме «Сегодня»

Звенит наш стих шальным напевом бубна,
Звоночки радости разбросив наугад.
Не всё ль равно, кого в стихах полюбим,
Над кем раскинется небесная дуга.
Не сдавлен путь наш мировой орбитой
И нет пределов.
Поют часы. Века сменяют ритмы.
Не всё ль равно, в какой стране родиться,
В каких законах.
Москва. Нью-Йорк. Калькутта. Ницца. —
Нам всё знакомо.
И мы пробьем стихами, как тараном,
Земные стены.
Вот мы приходим с лучшими дарами
И мудрым телом.
И в площадей дерущиеся горла
И в дыры окон
Бросаем щедро мы даров бесценных горсти
К людским порогам.
Так звонче, стих, звени и пой, наш бубен,
Отравой звонких строф над чьей-нибудь судьбой.
Смотрите. Мы пришли. Мы принесли вам, люди,
Даров бесценнейших и радости и боль.

«Милый, милый, осень трубит...»

Милый, милый, осень трубит
В охотничий рог.
Небо и землю раскрасил Врубель
И смерти обрек.

Милый, милый, уж солнце-кречет
Ждет добыч.
И алые перья собирает вечер
Для ворожбы.

Милый, милый, чей лук на страже
Каленых стрел,
В какие страны нам путь укажет
Чужой прицел?

Милый, милый, нам осень трубит
В зловещий рог.
И ветра медный протяжный бубен
Среди дорог.

Песенка

Посв. Вячеславу Ковалевскому

Струится белый балахон,
Бубенчики звенят.
Скажи, скажи, каким стихом
Ты воспоешь меня?
Декоративная заря.
Горят гвоздики губ. —
Не надо сердце укорять,
Пускай часы бегут.
А в сердце тонкая игла.
Бубенчики звенят. —
Моих ты не забудешь глаз
И не поймешь меня!
Струится белый балахон,
На нем след красных губ.
Я больше не хочу стихов, —
Я сердце берегу.
Глаза придвинулись к глазам,
Гримаса губ больней.
Ты лентой пестрой обвязал,
Любуясь, косы мне.
Твое усталое лицо,
Бровей больных излом.
Звенит жених мой бубенцом

И весело, и зло!

«На влажный берег выйти...»

На влажный берег выйти,
Росой промыть глаза.
Тоскует сердце выпью
В болотистых низах...

Над головой прозрачный
И розовый восход,
И берег зыбью схвачен
Под старою ольхой.

Осоки звонкий шелест
Качает берега.
И грязью голубеет
Расхлябанная гать.

Курятся сосны тонко
Смолистым янтарем
И перепевом звонким
Сплетаются с зарей.

Иду. Хватают травы
И стелются у ног.
Двойник мой плавит заводь
Зажегшейся волной.

«Над звоном нив моя ль тоска тоскует...»

Над звоном нив моя ль тоска тоскует,
Не мой ли голос гулкий крик подков.
Веду, веду я песенку простую,
Ношу на пальце медный ободок.

Бегу к реке девчонкою веселой,
В моих глазах не зелень ли волны?
Поют в руках некрашенные весла,
Шумят леса полдневные псалмы.

Я затерялась в золоте осеннем,
Не знаю, где пределы для меня,
Во мне душа деревьев и растений,
Моей душою травы прозвенят.

Волна и я – мы зыблемся от ветра,
Во мне и в ней разгулы вольных дней,
В нас отражаются восходы и рассветы,
Мы музыкой качаем путь луне.

«Мой голос скрипкой векам проплачет...»

Мой голос скрипкой векам проплачет,
Чуть слышной скрипкой в большом оркестре,
И скажет миру чуть-чуть иначе,
Что непорочна душа невесты,

И, может, кто-то в веках далеких
Приникнет к плачу душой влюбленной
И переложит тот отзвук в строки,
А строки снова векам уронит.

И так вот будет на веки вечно,
И не умру я с последним часом —
В пространствах странных мой путь отмечен
И голос тихий мой не напрасен.

«Остались только имена...»

Остались только имена,
И больше – ничего.
Живым усталым нам
Последний темный звон.

И долго ль будем на земле
Тащить ярмо минут,
Не находя к любимым след,
Звено ковать к звену?

Когда какой придет пророк
И разгадает дни,
И этот лучший из миров
Пойдет на смерть за ним?

Остались только имена,
И больше – ничего.
Живым усталым нам
Последний долгий звон.

«Не по хребтам сожженной Иудеи...»

Не по хребтам сожженной Иудеи
Сухих олив немотствующий хруст —
В глухих монастырях зажатые раденья,
В тоску и удаль кинувшие Русь.

Вам сохранившее от Ветхого Завета
Печать отверженных и сокровенных глаз —
А с волжских берегов степные плачут ветры,
Скрипит полей взволнованная гладь.

Громящий Судия, карающий Егова,
Под пеплом скорби гнет седых отцов —
Здесь дол и даль, слинявшая часовня,
И в каплях терна тихое лицо.

«Не ляжет снег на длинные недели...»

Не ляжет снег на длинные недели
И не запорошит холодных вечеров,
Мои шаги застыли на пределе
Немыслимых и несказанных слов.

Твоих ли глаз прочитаны страницы
И мне ль сберечь их невозможный смысл —
Клоню беспомощно усталые ресницы
Над грудями декабрьских грозных числ.

«Опять любви сухие весны...»

Опять любви сухие весны
Кропит капелью синий март,
А имя мертвое уносит
Такая ж мертвая зима.

Опять смотрю в глаза печали,
И Ваша смуглая рука
Качель весны моей качает,
А парус алого заката

Опять плывет над городами,
Цепляясь за тенета крыш.
Свою любовь несу как дань я,
Ларец души для всех открыв.

Кропят кропилами капли
Живой и пьяною водой,
А ветер туже лук свой целит,
Мой путь стрелой тугой ведет.

«Жизнь ставлю томиком на полку...»

*Ты молодость пропоешь
По этой книге, как по нотам –
Здесь имя милое твое
Ex-libris'ом на переплете
Эпиграф из меня*

Жизнь ставлю томиком на полку
Среди других веселых книг,
И пыль покроет втихомолку
Ее шагреновый парик.

Пусть время желтым ногтем метит
Тугую кожу корешка
И прорисовывает ветер
В листах заставками века.

Когда-нибудь найдут на полке
Не повторяемый никем
Мой стих отравленный и колкий
И жизнь в старинном корешке.

«Вы тихий, как бывают тихими зори...»

Б. Кисину

Вы тихий, как бывают тихими зори,
Опрокинутые вглубь колодца.
Я пишу Вам, милый Боря,
Что надо любить и бороться.

Лапы тягучей и старой Рязани
Над головою мученическим ореолом,
А в мутные стекла робко влезает
Выжитых дней переплавленное олово.

Беспомощными пальцами мнете глину
И плачете над неудавшейся жизнью, —
Какой ветер сумеет кинуть
В каменных богов шальной джигой?

Так чтоб разлетелось! и звякнули стекла
И загорелось сердце до боли!
С мудростью, достойною Софокла,
Изглаголаю Вам мою последнюю волю.

31 мая 1922

Москва

«Прощай, подруга. Вечер сух и ясен...»

Марианне Ямпольской

Прощай, подруга. Вечер сух и ясен,
Вызванивают ржавые листья,
Скучая, музыка спускается с деревьев,
И горизонта пламенный браслет
Замкнулся хладно. Строгий
И величавый час над миром наступил.

Прощай, подруга. Загляни в глаза мне —
Там тот же холод, тот же пламень там,
Как будто все века, все жизни, все любви
Я вобрала в единственную душу
И эту душу проношу по жизни
И в этот час передаю тебе.

18 декабря 1923

«Седой Бузулук и пыль...»

Седой Бузулук и пыль,
Улиц сухие русла.
Иконы. Теплый ковыль
И за Самаркой пустынь,

«Тоска по родине» в саду.
Тихие дни и ночи.
Ленивые жизни идут,
Не зная бессонниц и одиночеств.

За степью путь на Москву
У сгорбленного вокзала,
Вековая родная тоска
В кочующем сердце прижалась.

По шпалам года наугад
Спешат лабиринтами линий, —
Но память хранит навсегда
Степное татарское имя.

1923

Москва

«Проползают одинаковые вечера...»

Проползают одинаковые вечера
Грузными дилижансами.
Жизнь скупая, как Никкльби Ральф,
Не знает ни любви, ни жалости.

Над конторкою прилежный клерк,
Вижу улицы сквозь стекла пыльные, —
Так записывать еще немало лет
Мелким почерком чужую прибыль.

Ньюмен Ногс, товарищ мой и друг,
Кружкой грога из таверны ближней,
Мы смягчаем грубую игру
Джентльмена, что зовется жизнью.

1923

Москва

«Я о тебе пишу. И знаю, эти строки...»

Я о тебе пишу. И знаю, эти строки
Здесь без меня останутся и будут
Печальной книгой в черном переплете,
Печальной книгой о земной любви.

И ты припомнишь медную кольчугу
Сентябрьских дней, и медный звон ветвей,
И пахнущую яблоками свежесть
Простых и величавых утр.

И жизнь мою суровую ты вспомнишь,
Глаза мои и губы, и любовь —
И грешную мою помянешь душу,
И всё простишь, полюбишь и поймешь.

Я не умру. Глазами этой книги
Я видеть буду милый, страшный мир;
Я буду слышать, как звенят трамваи,
Как город голосом густым гудит.

И спутницей внимательной и нежной
Я жизнь твою с начала до конца
Пройду, и передам неведомым потомкам

Великолепный дар – любовь мою к тебе.

Пройдут года по шпалам черных точек,
Железные года – страницы пробегут, —
Но милой лирики прозрачнее прохлады, —
Как старого вина всё драгоценней вкус.

1923

«Вкус моих губ ты забыл, забыл...»

Вкус моих губ ты забыл, забыл,
Губы другие теперь полюбил.
Косы ее тяжелей и черней,
Сердце ее и добрей и верней.
В комнату вашу неслышно вхожу,
В очи жены твоей тихо гляжу.
Хуже была ль я, лучше ль она? —
Друга покинутого жена.
Что ж ты читаешь жене своей
Горькую повесть любви моей?
Ты Расскажи ей о страшных днях,
О поцелуях моих, стихах,
Ты Расскажи, как была я зла,
Как осенью раз навсегда ушла.

<1923>

«Подруга, дружбы ласковые узы...»

Е.П.

Подруга, дружбы ласковые узы
Мы сохранили с детства до сих пор, —
Тревожным голос пропели музы
Пророческий свой приговор.

И часто нас свинцовый глаз рассвета
Видал склоненных над одним столом —
И сколько песен пламенных пропето,
И сколько бед разнесено пером.

Ты помнишь комнату, убогую, как ужин,
Густую пыль от печки и от книг.
Нет ничего. И вместо денег – дружба,
А за окном бульварные огни,

И звонкие проносятся трамваи.
Гудит Москва. У нас покой и тишь.
И синий чайник с жидким мутным чаем
Пофыркивает лишь...

В косом трюмо перекосялся Ленин,
Глядятся вещи в мутное стекло.
О, милые часы стихов, тоски и лени,

Беспутной юности беспутный эпилог.

Об этом времени веселом и суровом
Мы будем вспоминать и радоваться вновь.
Подруга милая, помянем добрым словом
Российских муз и сохраним любовь.

«Пути истории торжественны и грозны...»

Пути истории торжественны и грозны —
Огромный век. Огромные дела.
Над Русью древний всколыхнулся воздух,
От сна очнувшись, темная пошла.

Не по проселочной, не по большой дороге,
Не с кистенем, не с посохом в руках. —
Надвинув кепи на шальные брови
И в куртке кожаной с винтовкой на плечах

Пошла, спокойная, сквозь тифы и расстрелы,
Сквозь вымершие волжские поля
И песни новые по-новому запела
С пропахнувшего порохом Кремля.

Над дикими туманами провинций
Не звон малиновый колоколов —
Стрекочут вольные стальные птицы
И запевают голоса гудков.

И длинными шагами телеграфа
Встревожен мир старинной тишины,
И придорожные примяты травы

Тяжелым шорохом автомобильных шин.

Над деревнями, где мороз и солнце
Высушивали сердце мужика —
Кумачный флаг веселых комсомольцев
Качнулся с колокольни в облака.

Россия. Глушь. Кабацкое веселье.
Нагайка. Бог. Дремучие леса.
Сквозь грусть щемящую разгульных песен
Твои суровые, поблекшие глаза

Припомнят внуки. И в часы раздумья
Им будут сниться скудные поля
И Русь – гадающая ведунья
Вслед улетающим журавлям.

О чудаке

Не жизнь, а просто так:
Поставлен стол и стул,
Сидит на нем чудака,
Задумчив и сутул.

Он дышит пылью книг,
Он дышит тишиной,
И только маятник
Товарищем всю ночь.

Пусть город бьет в окно
Железным сапогом,
Пусть рвутся над страной
Гранаты непогод —

Им не пройти туда,
Им стен не одолеть —
Давно сидит чудака
И будет так сидеть.

23 июня 1926

«Кровь, случай, ночь – вот спутники твои...»

Кровь, случай, ночь – вот спутники твои,
Слепая жизнь. Вот входит человеком
Еще один для битв и для любви,
Приоткрывая сомкнутые веки.

А над землею пролетают дни,
Проходят весны, осени и зимы, —
И с неба звездные далекие огни
Ложатся на душу тоской невыразимой.

И эта темная певучая душа
Дрожит и бьется от любви и боли,
И не умеет вырваться душа
Из плена милого земной неволи.

Но час настанет, и заглянет смерть,
И ты уйдешь, оставив дар случайный,
И снова будут над землею: твердь,
Миры, века, чужая жизнь и тайна.

«Ничего, мой друг, не тоскуйте...»

Ничего, мой друг, не тоскуйте.
Эту ль жизнь поместить на плечах,
Если сердце любовью – в лоскутья,
Если тело страстям – сгоряча.
Пусть весна. Пусть другим этот пьяный
Дикий воздух под желтой луной —
Нам глушить стакан за стаканом
В одиночестве боль и вино.
Нам в холодные руки бессонниц
Одинокую голову класть,
И не мужу и не любовнице
Этот мертвый ночей оскал.
Ничего, что любимое имя
Каплей крови сквозь ночь, сквозь бред —
Не задуть губами сухими
Высокомерный рассвет.

Песня

Ходят, ходят сини волны,
Море Черное шумит.
Золотой, как персик, полдень
На песке со мной лежит.

И густой и грустный воздух
Пахнет солью и водой,
И огромной рыжей розой
Солнце никнет над волной.

Горизонт качает парус
Удалого рыбака.
Белорунную отарой
Пробегают облака.

И заснул угрюмый Бигус,
Заглядевшись на простор,
Над развернутою книгой
Пожелтевших древних гор.

«Рев города, не рев ли океана...»

Рев города, не рев ли океана
Шумит в высокое окно.
Бушуют вьюги скрипок ресторана,
Мы наливаем полные стаканы
Январским лунным ледяным вином.
Под звездами, под небом жизнь нетленна
И кровь, как слезы, солона,
Но бродит смерть веселым джентльменом
В ночи, на площадях, в крошечной белой пене
Качается от звезд и от вина...
От лакированного автомобиля
Ползут глаза, кровавая мглу и снег,
Гудки сорвались, взвизгнули, завыли,
Любезный джентльмен, не вы ли
В такую ночь устроили побег?

<1920-e>

Лавка древностей

Шуршит китайский шелк на серебре парчи,
Гранатов бархат спущенной портьеры,
И Страдивариус, казалось мне, звучит
В руках искусного седого кавалера.

Венецианские мерцают зеркала,
Хрусталь и золото – тяжелые флаконы,
Быть может, дю-Барри по капле пролила
На пурпур столика тревогу благовонья.

В брюссельских кружевах запуталась серьга
Прохладной каплей синего сапфира,
И белый горностаи белее, чем снега,
И холоднее северной Пальмиры.

Так хрупок звон фарфоровых вещей,
Саксонской старины изящны безделушки,
На синей чашке пастушок в плаще
Нашептывает нежное пастушке.

А рядом древние уродцы в хоровод
Сплелись, больные персонажи Гойи —
Три тонких головы, раздувшийся живот,
И в сладострастной пляске слиты трое.

Люблю бродить в спокойной тишине,
Перебирать века влюбленными руками,
И жаль – людей и жизни больше нет,
Но жизнь вещей бессмертнее, чем память.

<19>30

Памяти Маяковского

Багровы розы Беатриче.
Поют гудки. И трубы говорят
На перекрестках улиц. Голос птичий
Расплескивает ранняя московская заря.

Бегут трамваи. Ветер
Апрельской прелой влажною землей
От круглого двора на Поварской. Где ветви
Зеленым пухом яблонь. Где разлет

Колонн. И белая прохлада
Высоких комнат. Музыка. И он,
Спокойно вышедший из медленного ада
Любовных бед, чудачеств и времен.

19 апреля 1930

Комната

Табачный дым в готическую высь
Тяжелой чернью на зверей крылатых.
Часы не бьют! Далекий шум Москвы,
И в стрельчатом окне туч оползень лохматый.
В осенний сумрак шелковым цветком
Качнется абажур. В углах проснутся тени.
Проснутся книги. И старинный том
Уводит в мир чудесных приключений —
И в фантастическую тишину
Скрип дилижанса, рога голос дикий.
Я вижу Лондон, Темзу и Луну
И как по улице проходит Диккенс.
Поет река. И стелется туман.
Янтарными глазами смотрят доки,
Косые паруса далеких стран,
Разноязычный говор стран далеких
И запах моря горький и чужой
В тавернах, где веселые матросы
Танцуют джигу с девкой портовой
И чокаются с Ньюмен Ногсом.
Часы не бьют. Но дробный дождь в стекло
Мне полной горстью бисеринок влаги.
Я отрываю взгляд от чужеземных слов,
Я сердце отрываю от бумаги.
Я вижу вновь высокие углы

И белизну узорную карнизов,
Рояль, застывший неподвижной глыбой,
И милых книг задумчивые ризы.
Опять со мной знакомый ветхий мир
Вещей и дел, видений и утраты.
И слушает, как встарь, бряцанье лир
На потолке высоком зверь крылатый.

<19>32

Москва

«Ты ушла, любимая сестра...»

Ты ушла, любимая сестра,
Отзвенев печальными стихами.
Без тебя пылают вечера
Рыжими закатными цветами.
Без тебя проходят по земле
Одурь весен, осеней прохлада,
Льдяность зим и пышность лет. —
Низкий холмик. Черная ограда.
Золотыми косами в песке
Белых косточек разбросанная грудa.
Белый череп. И моей тоске
Биться в сердце от рыданий трудных.
Задавила старая земля,
Высосала ласковое тело.
И шумят густые тополя
Над моей душой осиротелой.
Этот шум мне снится по ночам.
Голос милый по ночам мне снится. —
Вкривь и вкось исписаны страницы,
Муза ли, сестра ли у плеча.

21 января 1932

Стихи 35 года

Синеватая сталь солона на губах,
Смертным холодом холодна —
На земле я останусь только в этих стихах,
В этих черных строках,
Расплескав по строкам свою душу до дна.

Неподвижное тело в землю уйдет,
В трехаршинную тишину —
Может, сизый лопух сквозь меня прорастет,
Может, белой березкой сердце взойдет
Поглядеть на седую луну...

Бессонница 1ая

И каплет ночь в бессонные глаза.
Тягучие и медленные капли
В открытое окно стекают
Из безвоздушного скупого неба.

И кровь стучит в горячие виски,
И лихорадка обжигает кожу
Горячим и взволнованным дыханьем,
Песчаным вихрем раскаленной степи.

И душит, душит <в> тишине подушка,
И стены надвигаются, как горы,
И вспыхивают странными цветами
Лучи фонарные на черном потолке.

И кажется мне, что пройдут столетья
По этой комнате, такой знакомой,
Сухая пыль засыплет эти вещи
И плотной пеленой окутает меня.

И никогда не будет больше солнца,
И вечно будет темная планета
В пространствах мировых одна носиться
Обугленным осколком наугад.

9 ноября 1935

«Опять привычный алкоголь...»

Опять привычный алкоголь
Стихов и одиночества,
Я переписываю боль
В тетрадку прямо начисто.

И без помарок по листу
Перо мое певучее.
И чудо! – сами зацветут
Веселые созвучия.

Боль растечется по строкам,
Мне снова станет мирно так. —
Уходит далеко тоска,
Когда приходит лирика.

9 ноября 1935

«Их было двое. Горькою отравой...»

М. С<ивачеву>

Их было двое. Горькою отравой
Поила их любовь моя.
Ни счастья, ни радости, ни славы
С собою им не приносила я.

Года качались в головокруженьи
Под песенку лукавую стиха,
И жизнь плыла в неторопливом пеньи,
И дерзкий ум покорно затихал.

Они ушли. И ночь стоит у входа,
И завтра будет так же, как вчера,
Я ненавистную свою свободу
По комнате таскаю до утра.

Шагай, шагай. Знакомы половицы,
В четыре стенки мир мой заключен,
И, перечитывая страницы
Своих утрат, чудачеств и имен,

Я говорю – душа ушла. И тело,
Как Агасфер, бродить осуждено,
Пока рукой костлявою и белой

Не постучит желанная в окно.

19 мая 1937

«Умеет сердце быть расчетливым и злым...»

Умеет сердце быть расчетливым и злым,
Я жизни за любовь плачу стихами,
Завет от предков, загорелых ханов —
Платить за жен умеренный калым.
Влезает тело в шелковый халат,
Глаза раскосые упрямы и жестоки,
Отсчитываю медленные строки,
Как стих Корана молодой мулла.
Клинок отточенный плеснет над головой.
Пусть врач идет, я робости не знаю.
Душа далекого разбойного Аная
Во мне веками, дикая, живет.

<1930-е?>

Алушта

Белую пену взбивает прибой.
Белые чайки кричат над волной.
Белые тучи на синей волне.
Белые вазы на белой стене.
Черные пики штурмуют высь —
За кипарисом идет кипарис.
Горы над морем – уступ на уступ.
Камни от солнца тихонько поют.
Пурпуром роз зацветает земля
И отцветают цветы миндаля.
Как хорошо по взморью бродить,
Ящериц сонных на камнях будить.
Ветром соленым и вольным дышать,
Мокрые камушки пересыпать.

1941

Казахстанский дневник

«Сегодня закат, как зарево...»

Сегодня закат, как зарево,
Полнеба горит огнем.
Сегодня читаю заново
Любовь во взгляде твоём.

Как много в нём грустной нежности,
Неверия и тоски,
И веет холодной свежестью
Пожатье твоей руки.

Пусть сердце твое заковано
В железную чешую —
Влюбленная и покорная,
Я тихо тебе пою.

16 сентября 1946

«После ссоры – сладко примиренье...»

После ссоры – сладко примиренье.
Каждый день идет серьезный бой.
И, как в настоящее сраженье,
Мы выводим регулярный строй: —

Конницу капризов и чудачеств,
Танки – оскорблений и обид,
Легкие танкетки – неудачи,
Маскировку тщательных защит.

Как зенитки ловкие стреляют,
Как злословье попадает в цель,
Каждый летчик грустно помышляет
О бесславном горестном конце!

После ж долгожданного отбоя,
Отдыхая после канонад,
Мы с тобой – опять влюбленных двое,
Каждый мнит себя заслуженным героем,
И друг другу каждый снова рад!

Ночь с 7 на 8 августа 1946

Путешествие в Осокаровка

Плывет под колесами степь,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.